

БИБЛИОТЕЧНАЯ ПОЛИТИКА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Продолжаем дискуссию, начатую откликом Ю.Н. Столярова (1994, № 6) на статью Б.Н. Бачалдина (1993, № 10).

УДК 021

Сукнасян Э.Р.

По поводу "Субъективных суждений" и не только о них

Мне думается, что "Субъективные суждения" Б.Н. Бачалдина не предполагали дискуссии. Еще десять лет назад все высказанное показалось бы бесспорным. Да и сегодня среди библиотекарей старшего поколения его мысли найдут поддержку и понимание. Мне — 57, но я не окажусь в их числе. Слишком много пришлось передумать и пересмотреть в последние годы. Принципы — принципами, но ведь голова дана человеку для того, чтобы думать, ставить вопросы и находить на них ответы. А в прежние годы мы больше верили, верили без оглядки — во все, что нам говорила партия, наши старшие товарищи, учителя, руководители. Рассуждать нам никто не мешал, но... "в рамках". А рамки эти были весьма оригинальными.

Помню, как в 1972 г. прочел перевод книги Робера Эскарпи "Революция в мире книг" [М., Книга, 1972. 127 с.]. Что-то показалось мне странным, я решил найти и прочитать оригинал, вышедший в Париже в 1966 г. Удалось. Книга оказалась интересной. Познакомившись с деталями, я понял, как просто сделать нашу страну "великой книжной державой"! Достаточно при переводе убрать из всех статистических таблиц всякие "нехорошие" страны (вроде Израиля), можно вообще "отрезать" таблицу сверху, начать ее с СССР. И мы будем первые всегда, по всем показателям. Издатели и не скрывали того факта, что перевод был "сокращен-

ным". Умение хорошо подать правду, только правду, но далеко не всю правду — выдающееся достижение советской печати.

Впрочем, аналогичный подход внедрялся практически везде. Был человек за границей? Пригласим рассказать о том, что видел. Но вот во время лекции получаю записку, поражающую своей откровенностью: "Зачем Вы нам это рассказываете?". После лекции — небольшая проработка, суть которой сводится к двум словам: о зарубежном опыте надо говорить очень осторожно. Подтекст простой — о хорошем опыте в капиталистических странах лучше вообще не говорить. Тогда на лекции я ответил, вспомнив слова В.И. Ленина о тех, кого надо посадить за то, что просмотрели зарубежный опыт. Теперь Ленин не в моде, а защитники "завоеваний социализма" стали писать, скажем так, тоньше и хитрее.

"Оказывается, — пишет Б.Н. Бачалдин, — страна не располагала действительно самой обширной и разветвленной библиотечной сетью..."¹. Доказательно, "с цифрами в руках" об этом же говорит А.И. Пашин: "Достаточно сказать, что в Российской Федерации (на 148 млн населения) сейчас действует более 62 тыс. общедоступных массовых библиотек всех ведомств плюс 41 тыс. школьных, около 3 тыс. библиотек вузов и средних специальных учебных заведений. Их совокупный фонд содержит свыше 2 млрд экземпляров различных изданий и материалов"². Осталось, правда, сказать, много это или мало. Сейчас, сейчас, несколькими строками ниже: "Для сравнения можно сказать, что в США ... на более чем 220 млн населения имеется 15 тыс. публичных библиотек, 92 тыс. школьных и 3—4 тыс. библиотек колледжей и университетов". Вот вам и загнивание культуры: в 4 раза меньше публичных библиотек при большем населении. Удивительно дешевая уловка, которая вполне могла бы пройти раньше, когда мы не ездили в Америку и ничего о ней не читали. Но сегодня! Неужели кто-то может поверить, что в Нью-Йорке всего... 1 (одна) публичная библиотека на весь многомиллионный город? Да, по американской статистике и по сути дела — всего одна, крупнейшая в мире Нью-Йоркская публичная библиотека, в равной степени доступная (с

¹ Бачалдин Б.Н. Субъективные суждения // Науч. и техн. б-ки. 1993. №10. С. 15.

² Пашин А. От отрицания — к созиданию // Библиотека. 1993. №8. С. 11.

помощью своих автоматизированных филиалов и не менее автоматизированных передвижных "пунктов выдачи") каждому жителю и гостю этого города. Не о сети библиотек следовало бы нам думать, а о качестве библиотечных услуг, о доступности многомиллионных фондов каждому читателю. Между прочим, обратим внимание на то, что школьных библиотек в США более чем в 2 раза больше, чем у нас. Школьная библиотека в Америке — специальное учреждение, обеспечивающее учебный процесс в своей школе. Наши школьные библиотеки (правильнее сказать — библиотекари) даже не представляют, чем там они занимаются. Больше и библиотек колледжей и университетов. Скажем так: там их столько, сколько надо — об этом подумали ученые. Правда, исходный пункт их исследований носил странный характер, соответствовал принципу, провозглашенному еще в прошлом веке Мелвилем Дьюи: "Каждому читателю нужную ему книгу в каждой библиотеке". И думали они (да и сегодня думают) о том, как этого можно добиться. У нас тоже есть ученые, посвятившие той же проблеме свои диссертации, но критерии иные (население на площадь территории) — вот и получилась грандиозная сеть беднейших по сути и одинаковых по фондам библиотек. Зарубежные библиотеки — я говорю о рядовых публичных — поражают "советских" посетителей своими небольшими фондами. Не гонятся они за количеством, больше того — с великим удовольствием освобождаются от всего ненужного. Каждую книгу, которую два-три года просто хранили, анализируют, спрашивают о ней читателей. А сколько у нас книг стоит годами на месте! Вспомним, к каким уродливым явлениям привела в былые годы система оплаты "по накопленному фонду". Макулатуру никто не списывал, а некоторые библиотеки, скупив разом тысяч 300 отмененных стандартов и технических условий, оказывались на зависть другим, менее оборотистым, в заветной категории — за миллионом томов.

Гордится Б.Н. Бачалдин нашими "специализированными детскими библиотеками, высоко оцененными зарубежным библиотечковедением". Мне лично эта оценка говорит только об одном: умеем мы принимать зарубежных гостей и "лапшу на уши вешать", рассказывая о своем "передовом" опыте. Детские библиотеки — моя боль на протяжении многих лет. Еще работая в Краснодаре, я понял, что дети должны обслуживаться в одной большой

библиотеке вместе со взрослыми! Так и только так сделано в мире почти повсюду, проверено многолетней практикой. Детям может и должно быть предоставлено специальное помещение (комната, этаж), но отделять друг от друга библиотеки, их фонды, их библиографический потенциал — просто неразумно. Библиотечное обслуживание детей и взрослых в едином учреждении дает много преимуществ. Просто в этом направлении никто у нас не работал, у нас ведь детьми занимаются одни библиотековеды, взрослыми — другие. А библиотекари, между прочим, давно знают, что к чему. Считал ли, например, кто-нибудь из библиотековедов, сколько экземпляров "Поднятой целины" М.А. Шолохова "простаивают" во взрослых библиотеках в те дни, когда в детских за этой книгой выстраиваются очереди? (Между прочим: эту функцию — обеспечение учебной, изучаемой литературой — в США выполняют только школьные библиотеки). А сколько интересных, но сложных, трудных для детского библиографа (да и для "детских" фондов) запросов современных детей, опережающих в своем развитии многих взрослых, остаются нереализованными! Мы же иногда сдерживаем развитие ребенка: кто считал, сколько ребят уходит из детской библиотеки с неудовлетворенными потребностями? Многие больше сюда не придут. Мне в детстве улыбнулось счастье — я читал в детском отделении богатейшей взрослой библиотеки. Библиотекарям порой приходилось туго, но все нужные мне книги я получал из их рук. А в городской детской библиотеке все разговоры начинались и заканчивались сюсюканьем (а дети его не любят).

Почему мы это сделали — отдельный разговор. Но почему потом мы это не разрушили, а напротив, всегда находили удобным гордиться своими "достижениями"? Разве этот пример — единственный? Так, совершенно ясно, что систему библиотечного образования надо было ломать и серьезно изменять уже в послевоенные годы. Как это было легко сделать тогда — в стране действовали всего 3 библиотечных института. Мы позволили "преобразовать" их в институты культуры, более или менее равномерно (как и сеть библиотек) "размножили" их по территории СССР. Получили ли в результате качество вместе с великим количеством? Зато теперь в дипломах о высшем образовании в на-

звании специальности "Библиотекарь-библиограф высшей квалификации" честно сняты два последних слова.

Желания критически осмыслить содеянное, пересмотреть свои традиции, даже просто услышать противную сторону у нас не было раньше никогда. Все рабочие гипотезы наших исследований (публикуемые в программах до начала научной работы), как правило, идеально совпадали с результатами, больше того — "объективно" доказывались всей силой статистики и социологии. Жили мы без противоречий. Целые исследования строились иногда на ложной исходной посылке. Неужели надо было покончить с социалистическим библиотековедением, чтобы понять, что все фондоведческие исследования, связанные с количеством фондов, не способны ничего сказать об их качестве? Мне приходилось неоднократно, выступая в разных аудиториях, говорить о методологической оплошности исследователей, ориентирующихся на число экземпляров вместо количества названий (каталогизатору это ясно). Слушали, соглашались, сообщали, что "нет данных" по названиям, продолжали считать по экземплярам, получали зарплату и публиковали свои монографии. Есть ли смысл в такой науке?

Неужели кто-то может подумать сегодня, что библиотечная система США, ФРГ или Великобритании влачит жалкое существование, так как в этих странах нет "единой системы книгоснабжения" или "гарантированного финансирования библиотек"? Давайте скажем честно: в стране, где большую часть бюджета поглощает оборона, армия, просто не может быть лучше. Мы отдавали обороне не только деньги, которые должны были бы направляться на развитие библиотек, закупку оборудования, оплату труда библиотекарей. Туда же уходили лучшие из нас (теперь мы знаем об этом, так как многие стали "оттуда" возвращаться), там работала та техника, которая до нас просто не доходила. О какой передовой "технологии" можно было говорить в таких условиях?

Прямо скажем, не очень многое изменилось. Военный бюджет сокращается, но наша страна находится пока в тяжелейшем экономическом положении. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что на сферу управления стало затрачиваться гораздо больше средств. Огромные здания, освободившиеся от прежних владельцев (к примеру, комплекс зданий ЦК КПСС, СЭВ), заняты новыми управленческими структурами, и этот процесс продолжается.

Библиотеки, в том числе и те, которые просто разваливаются на глазах (это в полной мере относится к Российской государственной библиотеке), не получили в Москве ни одного нового здания. В Америке, например, десятки огромных университетских зданий, в которых размещены библиотеки, носят имена конкретных людей, подаривших эти библиотеки своему городу. Что-то не горятя наши "новые русские" закрепить свои имена в памяти грядущих поколений.

Не совсем прав Б.Н. Бачалдин в оценке отношения к зарубежному опыту. Мне представляется, что сравнивать различные исторические периоды просто нельзя. В 1920–1930-е гг. зарубежный опыт действительно изучался и многое было положительно освоено в отечественной библиотечной практике. Большинство ученых и специалистов, знавших языки, бывавших за рубежом, не дожили до окончания войны. А в 1940–1950-е гг. при изучении опыта были другие акценты. Ставилась задача развенчать буржуазное библиотековедение, показать кризис библиотечного дела в капиталистических странах. Посмотрите, что написано об УДК в учебниках той поры — безнадежно устаревшая, отжившая, не отражающая и т. д. и т. п. Никакой связи с Международной Федерацией по документации с середины 1930-х гг. у нас уже не было, таблиц УДК никто не видел, периодических изданий получали очень мало. А возможностью в очередной раз поиздеваться пользовались всегда. "Прозрели" лишь в конце 1950-х, когда ВИНТИ получил таблицы и мы их увидели впервые, после многолетнего перерыва... Перед выезжающими за рубеж ставились конкретные задачи: не столько изучать их опыт, сколько наши достижения там пропагандировать. Вокруг того, что "там" делается, многие годы сохранялся некий ореол, нагромождение выдумок, идеологически выгодных фантазий. У многих с тех пор и до сегодняшнего дня остались в голове "принципы", покончить с которыми так трудно. Часто и мне задают вопрос, на который так и хочется ответить: "А откуда Вы это взяли? Бесплатные они, бесплатные и общедоступные как для белых, так и для цветных, и для мулатов тоже. И работают с утра и до ночи...". Так ведь вера — она такая: поверил и навсегда.

Сегодня мы иначе смотрим и по-другому оцениваем опыт развитых стран Европы и Америки. Впрочем, не хуже обстоят де-

ла и в Азии (например в Японии и даже в Индии) или в Австралии. Но привычка оценивать внешнюю сторону осталась. Американцы говорили мне, что русских все больше интересуют интерьеры, мемориальные выставки, редкие книги и рукописи, конечно — славянские отделы. Мне же приходилось выступать в роли "белой вороны", засовывающей свой нос в каталожные ящики (там тоже много ошибок!), в служебные помещения, в отношения между библиотекарями "в процессе производства". Дело это очень неблагодарное: здесь, в России, каждый может сказать: "и у нас тоже так умеют", правда "передовым" его никто не считает. Чтобы дать оценку, надо многое увидеть, иметь возможность сравнить и оценить, а наши методисты (о них речь будет впереди) ездят, как правило, в границах своей "епархии". Библиотечная печать у нас представлена единичными изданиями (к сожалению, у каждого — свои границы распространения и свой отряд читателей), а библиотекарей-профессионалов на порядок больше, чем в США, где специальных библиотечных периодических изданий — свыше сотни названий.

В последнее время в публикациях о зарубежном опыте появился еще один феномен: все сравнивается с традициями нашей страны. Ну представим себе на минутку, что мы приезжаем в США и спрашиваем, есть ли у вас Министерство культуры с библиотечным управлением? Нет? Плохо, очень плохо. Нет, значит, никакого управления библиотечным делом в пределах страны. А Управление культуры в обл., простите, в штате есть? Тоже нет? Совсем плохо. Так и напишем. Анекдот — подумает читатель. Не совсем. Если мы откроем статью Л.И. Куштановой и Д.Я. Соловьевой "Библиотеки США: управление, финансирование"³, то встретимся именно с таким подходом. Привычных для нас органов управления нет. Вероятно, есть другие, которых нет у нас (тут хочется написать "пока нет"), но о них в статье — ни слова. Можно представить себе статью об управлении библиотеками в США, где ни разу не упоминается Американская библиотечная ассоциация (ALA), имеющая, между прочим, специальный департамент управления? Оказывается, можно. Вспомнилось об этом еще раз при чтении статьи А.И. Пашина. Уж очень активно он

³ Экономические аспекты библиотечно-информационной деятельности: Сб. науч. тр. / ПНТБ России. М., 1992. С. 96—111.

возлагает надежды на деятельность Федерации библиотечных обществ и организаций России — и то она должна сделать, и другое. Все сказанное А.И. Пашиным верно, одно только плохо — президент этой ассоциации по должности подчиняется Управлению по делам библиотек Министерства культуры России. И замкнулась цепочка со всеми инициативами. В США президент ALA — это человек, с которым считается даже президент государства. А сама ALA родилась не вчера, а в 1876 г.

Несколько слов о методистах. Конечно, они нужны. Но давайте подумаем, почему многие библиотекарки не любят методистов? Всегда ли они приезжали для помощи, обучения? Да нет же, гораздо чаще — для пропаганды определенных идей, накачки и проработки: некоторые библиотекарки сравнивали их с замполитами в армии.

Каждый ли методист владел библиотечной технологией?

Очень грустно, что первой в нашей стране библиотекой, ликвидировавшей научно-методический отдел, оказалась как раз Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Ну а дальше, как говорится, "делай, как я" — пошло по стране.

Нельзя прямолинейно ответить на вопрос, нужны ли сегодня методические отделы. Те, которые были, не нужны (допускаю, что мое мнение тоже субъективно). Нужны методисты — опытные, квалифицированные, знающие технику и технологию работы, библиотечную практику. Где их взять? Да их много в библиотеках, но работают они не в методических, а в функциональных отделах. Не надо их отрывать от повседневной библиотечной практики, пусть работают у себя. Методической работой в области должен руководить один человек (заместитель директора библиотеки): координировать всю работу; формировать "делегации" или направлять в библиотеки одного методиста; передавать на исполнение письма, запросы; дирижировать оркестром своих сотрудников, каждый из которых должен стать хорошим методистом. Методист — это звание, а не должность. Функция эта должна сохраниться и передаваться из рук в руки. В каждой области есть главный педиатр, главный хирург, главный гинеколог. Почему же у нас нет, например, главного каталогизатора? Устанавливая такой высокий ранг для методиста, мы тем самым повышаем его престиж, признаем его права и обязанности, но в

нужный момент не забудем и об ответственности за состояние библиотечных каталогов в области. Но подобных званий у нас пока нет, так как всякое уважение к профессионализму потеряно. Не только в области, у самого управления библиотеками страны нет таких специалистов, как нет и ученых или экспертных советов. Все вопросы решаются административным путем. Старая командная система не очень-то настроена передавать свои функции библиотечным обществам и ассоциациям.

Перечитал все написанное о централизации в последнее время. Удивительно, на каких разных языках идет разговор! Вместо того, чтобы отвечать по существу, начинают с "исторических" глубин... Да разве кто-нибудь против централизации вообще? Речь идет о том, что получилось конкретно в нашей стране. Под "флагом" централизации, и это всем известно, наделано много глупостей. Кое-где крупные городские библиотеки превращены в филиалы, урезаны в правах и возможностях; у них сокращены фонды и штаты. Не везде и далеко не всегда улучшилось комплектование, а мне, каталогизатору, никто не докажет, что централизованная обработка себя оправдывает: отделы есть, но обработки в том объеме и с тем качеством, какое предполагалось, нет. Техники обещанной так и не дали, делают не всё. В каталогах ведь любой изъян виден, если уметь смотреть. Вот здесь и причина того, что у библиотекарей созрело неприятие централизации: слишком явно противоречие между декларируемыми задачами и реальной практикой. Показателям теперь никто не верит.

Эксперимент с централизацией был грязным. Термин этот не ругательный, он взят из методологии эксперимента в естественных науках. Не было контрольной группы (например, одного района в той же Ростовской области, рядом с Шахтинским). Не с чем сравнивать "достижения", так как только экспериментальным библиотекам давали и транспорт, и штаты, и оборудование; да и внимание (методическое) уделялось им огромное. Не доведена централизация до конца, пошел вал, образовалась "пена", а темперамент весь вышел... Разве централизация в этом виновата? Люди. А их никто не осуждает, критикуют у нас, как правило, явление.

Последнее, о чем хотелось сказать, — о терминологии. Спасибо Б.Н. Бачалдину за добрые слова о нашем словаре (готовим

второе, расширенное издание, но не знаем, кто будет его издавать), но не об этом речь. Б.Н. Бачалдин говорит о новациях, о вредных терминах, которые мутным потоком якобы низвергаются на нас в последние годы. С точки зрения лингвистики, все это объясняется просто. Такие явления строго детерминированы. Они обусловлены движением в народе (или между народами). Так было в России уже не раз, в XVIII и в XIX веках. Спокойствие в языке наступило лишь в годы железного занавеса, когда ни туда ни сюда никто не ездил, а письма просто не доходили до адресатов. "Вращение людское" всегда приводило к появлению в языке новых слов. Часть из них осталась навсегда и вошла в языковую практику, а часть — ушла. Если посмотреть на нашу библиотечную терминологию, то не такая уж она русская! Библиотека, каталог, классификация, инкунабула, дезидерата, экслибрис, индексация, абонемент — это ведь все не русские слова; они тоже не сразу вошли в наш библиотечный быт. Так уж устроен язык, в нем есть свои закономерности, а придумывание новых терминов не всегда приводит к успеху. Лишь время все ставит на свои места.

Закончив статью, перечитал вновь публикации Б.Н. Бачалдина и А.И. Пашина — о чем там только ни говорится, еще и еще писать и писать. Одному только спецхрану стоило бы посвятить отдельный разговор. Неужели наступило время, когда мы можем сказать все, что копилось многие годы, что оставалось недосказанным?! Как нужно сегодня уметь читать то, что публикуется, читать, отбрасывая веру в авторитеты и имена, пропуская через себя цифры и факты, думая и сопоставляя. Иначе, мне кажется, и читать не стоит.

Письмо в редакцию. Отзыв на статью Б.Н. Бачалдина

Статья "Субъективные суждения" написана глубоко профессионально, очень интеллигентно; чувствуется переживание за все, что принесла нам "перестройка", и искреннее желание помочь выйти из создавшегося положения. Большой опыт работы, разнообразные знания и компетентность в библиотечном деле дают

возможность автору тонко анализировать нынешнюю ситуацию. Борис Николаевич ясно видит выход — он рекомендует, советует, объясняет, доказывает, предлагает.

Нельзя шарахаться и бежать вдогонку так называемому новому веянию. Нельзя перечеркивать все прошлое, наработанное опытными специалистами библиотечного дела. Как хорошо, что автор вспомнил о них, называя всех поименно.

Разве можно зачеркнуть историю отечественной библиотечной культуры и ее деятелей???

Да, да... у нас была духовно-интеллигентная читательская аудитория. А в библиотеках работало много энтузиастов, искренне любивших свое дело, вкладывавших свои силы, старания, знания в то, чтобы библиотеки стояли в центре всей жизни народа. Это было, было и было здорово!!!

Все службы, о которых Вы пишете, функционировали, развивались, действовали и двигали все новое, все передовое вперед.

Вы остановились на наших животрепещущих вопросах: централизации библиотек, информационно-библиотечном обслуживании, научно-методической службе, комплектовании, обработке, отчетности, планировании и т. д. — все это фундамент и основа библиотечного дела.

Сегодня все замерло. Страшно, досадно, обидно...

И о трех приоритетах — это научно обоснованная канва, главные принципы, которым должны следовать библиотеки.

Спасибо Вам, Борис Николаевич, за большой аналитический труд и за Ваше искреннее желание возродить потерянное.

Вы вернули нам веру и надежду, столь необходимые в нашем дальнейшем труде.

Зам. зав. научной библиотекой Института законодательства и сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации Т.Т. Жукова